

КРАСОТА – В ГЛАЗАХ СМОТРЯЩЕГО

(О рассказе А. Цыганова «Садовник»)

*Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий
Только отклик искажённый
Торжествующих созвучий?*

В. С. Соловьёв

Рассказ Александра Цыганова «Садовник» – это современная притча, написанная с библейской глубиной постижения мира.

Писатели и поэты обладают способностью видеть красоту и истину там, где другие проходят мимо, ничего особенного не замечая, кроме картины обыденности. В своё время Гёте кратко определил эту способность так: «Красота – в глазах смотрящего» [1]. Христианская эстетика считает: талант видения красоты определяется способностью человека к любви. Выдающийся мыслитель XX века митрополит Антоний Сурожский пишет: «Для того чтобы видеть красоту человека там, где другие её не замечают, достаточно полюбить его». И тогда мы не только его внешний облик замечаем, а «видим сквозь это сияние личности» [2].

Писатели очень часто критически ко всему относятся, болезненно переживают уродства нашего мира. Они следуют завету Н.А. Некрасова: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». Но если безоговорочно опуститься в пучину ненависти, то и любить можно научиться. Можно и ослепнуть, и красоту мира не увидеть.

В рамках критического реализма этому противоречию не найти решения. Всех нас слишком долго учили только ненавидеть, а любить предлагали фальшивые ценности, поэтому многие из нас утратили чувство красоты. Христианский взгляд на человека открывает писателям другой путь познания жизни: «Когда Бог смотрит на человека, Он видит в нём не добродетели или достижения, которых может и не быть, но ту красоту, которую ничто не может уничтожить» [3].

Писателей, одарённых таким духовным видением, в наше время немного. Один из них – Александр Александрович Цыганов. Сюжет рассказа «Садовник» даёт повод некоторым критикам снова упрекнуть писателя в мистицизме. Но этот термин многозначен и вряд ли подходит для характеристики творчества Цыганова. Писатель использует палитру критического реализма, но это для него лишь вспомогательное средство.

Главное, что определяет художественное видение автора и на что постепенно настраивается взгляд внимательного читателя, это его **духовный реализм**. Тот самый метод письма, который был освоен ещё гениальными творцами XIX и XX веков: например, Пушкиным в «Капитанской дочке» и «Пиковой даме», Лермонтовым – в «Демоне», Гоголем в «Петербургских повестях», Достоевским в «Бесах» и «Братьях Карамазовых», Шмелёвым – в «Лете Господнем», Булгаковым в «Мастере и Маргарите».

На первый взгляд рассказ «Садовник» – это всего лишь жанровая зарисовка. Как обычно у А.А. Цыганова, в повествовании всё узнаваемо: улицы, церковь, рынок, набережная, ларьки и киоски города Вологды. Вологжанин смог бы провести экскурсию по маршруту движения главного героя. Реалистически изображены типы горожан, с которыми встречается герой. Зоркий глаз писателя точно определяет характеры людей и создаёт индивидуальные художественные портреты всех участников драмы.

Но это всего лишь панорама, на фоне которой и происходят главные события. А дальше включается глубинное измерение души героя и его поступков, то есть выясняется его духовная значимость. Главную роль в раскрытии этой стороны содержания рассказа играет композиция, которая придаёт повествованию звучание трагической симфонии.

В рассказе используются различные имена и названия главного героя. Сначала он назван нейтрально по фамилии и роду занятий: Горелов – сторож в кандейке (в винном магазине). Фамилия и профессия говорят о том, что это человек с неудавшейся и, видимо, трагической судьбой. Об этом же свидетельствует и его внешний вид: «Под сорок уже, а на вид и того больше: давно не брит, волосы не стрижены, вдобавок еще все старое на нем надето. И пальто, и штаны, и пиджак. А у шапки одного уха совсем нет, оборвалось. Бывает, какую-нибудь зловерную дырку, что совсем на виду, закропаешь, как умеешь, и дальше бегаешь. Может, и рад бы в новое обрядиться, да с такой зарплатой быстро закукуешь. Но

это еще ладно, платите хоть вовремя и то бы хорошо. Думают, сторож в кандейке, так уже не человек?» Таково первичное поверхностное представление о герое. Для чистых и озлобленных людей этого достаточно, чтобы называть Горелова божжом, тронутым, дворником-лентяем, гадом. Даже его гибель при спасении девушки эти холодные люди трактуют как самоубийство и считают: «Пьяница какой-нибудь или с ума человек сошел». В городе оказалось мало людей, жалеющих этого неприкаянного жителя Вологды. Однако и продавщица, и старушка в церкви, которые ласково обращались к нему молодой человек, милок, не поняли его.

Холод парит на улицах города, он страшен герою, так как у него нет от него защиты. Ещё больший холод парит в людских душах, он-то страшнее уличного мороза. А теперь обратимся к внутреннему голосу героя, обратим внимание на его слова и поступки. Он незлобив, кроток, честен: «И что с того, если иногда возьмут да божжом на улице обзовут, сорвется с языка. Не на таковых напали, гореловская порода другая: чтоб с протянутой рукой на люди сунуться, это уже надо особенную натуру иметь. Все нынче на одно лицо – и те, что торгуют на каждом углу, и те, что деньги у каждого встречного без зазрения совести морщат. Раньше тоже всяко жили, но ведь этого не было – откуда что и взялось?»

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

КРАСОТА – В ГЛАЗАХ СМОТРЯЩЕГО

У Горелова, несмотря на страшную нищету и неустроенность, сохранился внутренний духовный стержень, личное достоинство: он не суетится и не вступает в непристойную борьбу за какие-то жалкие бытовые приобретения. Автор повествует: «Но ему давно хватало кружки горячего чая и куска хлеба. Там, где он проживал, о первом и втором мечтать не приходилось: в зареченской коммуналке, как в общем вагоне, если не хуже. К плите не подступиться: очередь с утра до вечера вперемежку с пьянкой на том же месте. Да и без ругани с мордобоем не обходится. Какое домой идти. Вот и сейчас не тянет. Хоть мороз на улице, а лучше по городу пройтись».

Герой А.А. Цыганова поражает тем, что, постоянно сталкиваясь с уродствами нашей жизни, превозмогает их и выходит «за пределы уродства к иному видению» [4]. Так, грубого, сытого и подвыпившего молодого парня в богатой дублёнке, который его оскорбляет, приняв за нерадивого дворника, он не презирает, не вступает с ним в бесполозный спор, а пытается привести в чувство и говорит добродушно: «Земляк, я такой же прохожий, как и ты». Но его не слышат, и это не его вина. «Я бы сказал здесь то же, что было сказано о красоте: уродство – в глазах смотрящего». [5] Фраза «Земляк, я такой же прохожий, как и ты» выражает главный жизненный принцип человека, живущего по христианским заповедям. И она по-евангельски многозначна и глубока.

В окружении постоянной несправедливости и грубости душа героя скорбит. Бездна отчаяния звучит в его словах: «На душе и без того худо. Тошно: как по рукам-ногам связали и в колодец без дна бросили». Тем более удивительны и трогательны милосердие и щедрость этого нищего и униженного людьми человека. Никому ненужный в своей горемычности, он, тем не менее, помогает, чем может, всем, кого встречает на своём пути: утешает растревоженного дедушку, счищает лёд на крутой лестнице, чтобы люди не расшиблись, пытается в церкви передать через служительницу деньги чужой девушке, чтобы она не совершила опрометчивого безрассудного поступка. Особенно поражает милость, данная дважды из последних денег, таджикским женщинам, сидящим с детьми на морозе прямо на земле: «Возле нового магазина в гириандах цветных шариков и с надписью «Мы открылись», снова оказалась тоскливая фигура в стеганом полосатом халате со склоненной головой и протянутой ладошкой – голой, потрескавшейся на морозе. Тогда Горелов, сжав зубы, выгреб остатки денег, на глазок разделил пополам и половину сунул нищенке, а после, не выдержав, перешел на другую сторону улицы. И сколько бы он ни старался, так и не услышал, что думали эти полудоброжелательные женщины. Наверное, они давно уже ничего не думали». Все эти поступки тревожат, как-то теребят наши равнодуш-

ные души и заставляют устыдиться своей чуждостью.

Дважды спасает Горелов встретившуюся ему на рынке девушку-старшеклассницу: сначала от бесчестия, а потом – от смерти. Это юное существо погибло от страсти, типичной для современных школьников: «Ну, я вам устрою, – бездумно глядя глазами, полными слез, на холодные киосковые стекла, негодовала школьница. – Блин, прикольно: смартфон им жалко купить! Все наши уже по второму сменили, а мне фигу показали: потерли немного, сейчас не можем! Потерплю, потерплю, не расстраивайтесь: такое вам устрою, потом и рады бы все отдать, да только поздно будет!» Горелов спасает брошенную под автомобиль девушку, но сам погибает...

Во всех этих событиях последнего дня героя он выходит, как мы уже подчеркивали, за пределы уродства к иному видению. На обывательском уровне все поступки Горелова кажутся неправдоподобными или бессмысленными. Иные скажут мне: «Таких людей нет! Да и не нужны они вовсе!» Смею возразить: такие люди бывают и такие люди нужны, так как их личность создана по образу и подобию Божию!

Свидетельствую, что среди моих деревенских родственников были такие люди. Они были готовы взвалить на себя твою ношу,

накормить последним куском хлеба, отвратить от беды. Я их помню поимённо. Они победили в страшной войне, многократно совершая подвиг самопожертвования. И сейчас такие люди есть, так как наши современники – от корня тех родных нам соотечественников.

Говорить в заключение такие высокие слова справедливо и уместно, так как весь рассказ-притча А.А. Цыганова пронизан евангельским духом. Читая его, вспоминаешь евангельские заповеди и притчи, например, о лепте вдовы, о блуднице, в которую никто не смог бросить камень, о милостивом самарянине. И, наконец, вспомним о **садовнике**. Так сам герой назвал себя, по какому-то внутреннему чувству. Так же назвал автор свой рассказ. И это не случайно. Этот человек исполнил многие евангельские заповеди и, таким образом, удостоился Христу, которого в Евангелии называют **Господином виноградника** (Л 9:16) или **Садовником** (И 20:15).

А.А. Цыганов удивительным образом передаёт момент подвига-самопожертвования своего героя как очищение от тёмного начала в человеке и полёт души в бесконечное пространство света: **Но еще раньше, успеет все-таки понять, что такое неподдельно сидело в нем, – Горелов уже точно знал, что станет делать дальше. И тогда, как будто это услышав, что-то дегтарно-блестящее с ревом вышло из его нутра вон, освободив всего от леденящей маеты, а он сам тотчас прыгнул, оттолкнув вздрогнувшую школьницу в сторону... Горелов видел свое тело с разбросанными руками и разбитой, раздавленной головой, со свивающимися сосульками красных волос. А следом нечто светлое подняло его уже неосязаемую светящуюся оболочку высоко-высоко, но будто все его, гореловское, светлое, не отставало кричать и кричать, невесомо уходя в запредельные невозвратные дали. Только уж если там, на земле, никто не хотел слышать – кто же теперь услышит оттуда – из света?**

Последняя фраза выражает горькую истину – мы не видим красоты человека при его жизни. Для этого он должен сначала умереть. Но и этого часто бывает мало. И остаётся только задать вопрос вместе с поэтом:

*Где весна любовью бредит?
Холода царят на всей земле... [6]*

[1] Митрополит Антоний Сурожский. Красота и уродство. Беседы об искусстве и реальности. – М.: «Никея», 2017. С. 62.

[2] Там же. С. 66.

[3] Там же. С. 59.

[4] Там же. С. 134.

[5] Там же. С. 134.

[6] Сидорова Н. Под пение птиц. – Вологда, 2008.

Людмила ЯЦКЕВИЧ,
профессор, доктор филологических наук

МИЛОСТЬ СЕРДЦА

(О книге «Милость сердца»
Геннадия Сазонова)

«Моя новая книга о людях, творящих в душевном порыве добро, проявляющих милосердие, сострадание, жалость, желающих в суете будней найти главное», – начинается разговор с читателем автор, подчёркивая своё намерение противопоставить в информационном поле, наполненном ложью, клеветой, русофобией, настойчивым навязыванием событий криминального плана, извращением нравов и презрением к России, – истинное подвижничество и милосердие, богатый опыт благотворительности, как проявление духовности, опирающейся на опыт Православия.

Добро идёт из души

Святой Русской Православной церкви, преподобный Иосиф Волоцкий призывал своих чад: «Пойми, чего требует Царь Небесный от твари своей – малой и лёгкой милостью». Святой знал и переживал в своём любящем сердце два житейских полюса в бытии России: чрезмерную роскошь и нужду, граничащую с нищетой. Геннадий Сазонов, обращаясь к современности, находит среди своих земляков человека, продолжившего многовековые традиции российской благотворительности. Это Константин Симаков, работавший свыше сорока лет в газовой отрасли, директором КС-17 Газпрома в Грязовецком районе, совмещая основную работу с депутатской деятельностью в течение двух сроков в Вологодском областном законодательном Собрании, помогая многолетним семьям, ветеранам войны и труда, людям культуры и искусства. Как планета держится Небесным тяготением, так сообщество людей держится совестью, добром, любовью, милосердием. Автор книги приводит примеры дарения милости сердца от князя Владимира, преподобного Федосия Печерского, Иулиания Осоргина, купца Христофора Леденцова, Козьмы Солдатенкова до своих современников. Это, например, пенсионерка Мария Мартемьяновна Борисюк и Станислав Березин из Шексны, Валерий Соловьёв из поселка Юбилейного, Александр Николаевич Дугин из Ярославской области и многие другие. И мы не можем не согласиться с Геннадием Сазоновым, утверждающим, что стремление к милосердию и добровольной жертве – «это природное качество человека, действующее в нём независимо от политического устройства или общественного строя в стране на текущий момент».

«Восстановить храм»

В книге «Милость сердца» идёт подробное повествование о восстановлении храмов в России по доброму движению сердца прихожан. С началом 90-х годов прошлого века по всей России люди потянулись к тому, что долгие десятилетия было под запретом. Геннадий Сазонов рассказывает о восстановлении всем миром Свято-Троицкого Павло-Обнорского монастыря, широко известного в дореволюционной России, связанного с именем Ивана Грозного, Спасо-Сергиевской церкви, о ремонте храма Богоявления, воздвигнутого в 1812 году в честь победы русского народа в Отечественной войне, об учительнице Зинаиде Петровне Исправниковой, посвятившей часть своей жизни восстановлению храма в Спас-Нурме.

Нелегко продвигается благое дело, оно требует к тому же противостояния русофобии, уничтожающим, неблагоприятным материалам «жёлтых» СМИ, настоящего подвижничества в условиях, в которых местное самоуправление «напоминает этакое иго, когда под видом «федеральных потребностей» с территорий изымает средства, столь необходимые для их развития».

«В честь нового Златоуста»

Среди многих православных традиций автор книги о милосердии в России выделяет потребность личности жить интересами общества, служить Отечеству, приводя примеры жизни великого новгородского князя Олега, названного А.С. Пушкиным «вещим Олегом», князей, позже причисленных к лику святых Бориса и Глеба, Серафима Саровского.

На Вологодчине возник первый в России храм в честь Святителя Игнатия (Брянчанинова). Место, где он сиеет куполами, выбрано не случайно. История храма связана с именем Елизаветы Фёдоровны Лялиной, автора книги совместно с К. Симаковым «Дорога к храму», почетного гражданина

• Окончание на 5-й стр.